ня глубину: Кутузовъ казался мнѣ средоточіемъ всѣхъ эпическихъ, лирическихъ и символическихъ нитей романа; цвѣтная радуга творческихъ переживаній въ немъ сливалась въ бѣлый лучъ самой жизни Толстого. Косноязычіе, нѣмота, и будто бы простота Кутузова оказалась для меня символомъ самого Толстого во-второмъ періодѣ его дѣятельности. Простота эта оказалась только прозрачностью бездны, какъ оказались бездонными нынѣ всѣ тѣ будто нехитрыя поученія Толстого, въ итогѣ которыхъ—*его ослѣпительная кончина*. Такъ четырежды углубился для меня толстовскій романъ; и теперь, когда меня спрашиваютъ о „*Войнѣ и Мирѣ*“, я становлюсь нѣмъ отъ избытка меня волнующихъ чувствъ. Геніальность Толстого - художника для меня есть геніальность Толстого *болѣе, чѣмъ художника*; съ одной художественной геніальностью не смогъ бы намъ дать Толстой такой *мудрый символъ*, какъ „*Война и Миръ*“.

Когда я слышу спокойные трюизмы о геніальности Толстого-художника, произносимые тономъ, какимъ обыкновенно говорятъ о погодѣ, просто не вѣрю я, чтобы геніальность Толстого-художника крѣпко вошла въ сознаніе обывателя. Повторяются прочитанныя истины изъ почтенныхъ, толстыхъ журналовъ; и если бы почтенные, толстые журналы изъ мѣсяца въ мѣсяцъ называли романъ Толстого блѣднымъ, растянутымъ произведеніемъ, спокойные трюизмы о геніальности Толстого-художника не раздавались бы съ такой неотвязной настойчивостью изъ равнодушныхъ устъ.

Безспорна для меня геніальность Толстого-художника. Но какое право имѣю я личный восторгъ превращать въ безспорное утвержденіе? Если же истину ту повторяютъ читатели всего міра, то подсчетъ голосовъ всей вселенной, можетъ быть, явитъ намъ вовсе иное отношеніе къ романамъ Толстого. Если бы даже готтентоты и чукчи присоединились къ японцамъ и австралійцамъ, прославляющимъ Льва Толстого, то вселенскость признанія еще не есть *истинность*. Если же мы обратимся къ компетентному суду немногихъ и избранныхъ, мы удивимся разноголосицѣ мнѣній о художникѣ-Толстомъ. Еще покойный Владиміръ Соловьевъ, въ художественномъ вкусѣ котораго я не могу сомнѣваться, какъ разъ утверждалъ противное общему мнѣнію о романахъ Толстого. „Въ откровенныхъ разговорахъ съ друзьями онъ (Вл. Соловьевъ) при-